

Ольга Юрьевна Николенко

Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и лингводидактики, Омск, Россия
e-mail: nikolenkoolga@mail.ru

Диалог поколений: трансляция языка и культуры в мемуарной коммуникативной практике

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения русских народных говоров на основе анализа текстов жанра «народных мемуаров». Обсуждаются проблемы диалога поколений в аспекте языковых и культурных различий, создающих коммуникативные барьеры. Исчезновение народных говоров влечет за собой исчезновение целого пласта народной традиционной культуры. Записи воспоминаний представителей старших поколений, латентных носителей диалекта, позволяют сохранить и передать потомкам элементы культуры, заключенные в образах русского слова. В статье анализируются особенности включения диалектного материала в мемуары деревенских по рождению, но образованных людей, которые демонстрируют языковую саморефлексию носителей двух языковых кодов — литературного и диалектного.

Ключевые слова: русские народные говоры, диалект, русская традиционная культура, «народные мемуары», языковой код.

Olga Yu. Nikolenko

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Linguodidactics, Omsk, Russia
e-mail: nikolenkoolga@mail.ru

Dialogue of Generations: Translation of Language and Culture in Memoir Communicative Practice

Abstract. The article is devoted to the problem of studying Russian folk dialects based on the analysis of texts of the genre of “folk memoirs”. The problems of generational dialogue in the aspect of linguistic and cultural differences that create communication barriers are discussed. The disappearance of folk dialects entails the disappearance of a whole layer of folk traditional culture. Recordings of memories of representatives of older generations, latent speakers of the dialect, allow preserving and transmitting to descendants the elements of culture contained in the images of the Russian word. The article analyses the features of the inclusion of dialect material in the memoirs of village-born, but educated people who demonstrate the linguistic self-reflection of speakers of two language codes — literary and dialect.

Keywords: Russian folk dialects, dialect, Russian traditional culture, “folk memoirs”, language code.

Введение (Introduction)

Диалектологические экспедиции Омского государственного педагогического университета в северные районы Омской области последнего десятилетия (2010–2021) в полной мере выявили проблемы, отмеченные еще в конце 80-х гг. XX в.: экспансия литературного языка приводит к постепенной утрате важнейших элементов культуры и национального быта, заключенных в образах русского диалектного слова.

Повышение уровня образования, усиление миграционных процессов, глобализация информационных потоков — всё это приводит к нивелированию территориальных языковых особенностей и сдвигу структуры русского нацио-

нального языка в сторону дихотомии «норма»/«ненорма», где литературный язык противопоставлен просторечию. Такой сдвиг имеет некоторые положительные последствия: тяготение носителей русского языка к нормативной литературной речи становится заметнее. Однако утрата диалектов в целом язык не только ослабляет (если говорить биологическими категориями, то разнообразие — залог выживания; чем богаче и разнообразнее язык — тем он сильнее и устойчивее), но и влечет за собой утрату целого пласта народной крестьянской культуры, составлявшей историческую основу российской действительности.

Происходит и определенный разрыв между поколениями: всё же преемственность обеспечивается консерватив-

ностью языка. Резкие языковые изменения, в частности между языком поколений «дедушек» и «внуков», накладываются на изменения социальные и технологические и приводят к увеличению коммуникативных барьеров, что затрудняет коммуникацию по важнейшему каналу трансляции культуры — в устной форме от поколения к поколению.

Таким образом, сохранение и изучение богатства русских народных говоров может не только способствовать созданию «хранилища», к которому можно обращаться как к источнику силы для языка (хрестоматийный пример — диалектные по происхождению слова *клубника*, *замшелый*, *сказитель*, *шуршать*, *схрон* и т. д.), но и помочь в установлении связей между поколениями, выстроить целостную историческую цепочку от прошлого к будущему.

Цель настоящей статьи — обоснование использования текстов мемуарной коммуникативной практики в качестве источника для диалектологического и лингвокультурного материала.

Методы (Methods)

В исследовании использовался метод контент-анализа текстов письменных коммуникативных практик, принадлежащих образованным носителям языка, имеющим деревенское происхождение, в аспекте включения диалектных элементов в воспоминания о детстве; лингвистический анализ диалектных единиц преимущественно лексического уровня, лингвостилистический анализ в аспекте переключения литературного и диалектного кодов.

Литературный обзор (Literature Review)

Основное хранилище диалекта — память диалектоносителя. В настоящее время активных носителей диалекта практически не осталось, однако латентные носители говоров еще могут при правильной организации беседы предъявить местный языковой материал — как правило, лексику. Беседа с латентными диалектоносителями обычно строится по развернутой схеме, охватывает широкий круг тем, так как не ясно, в какой области есть сохранные элементы. Часто активизируют употребление диалектной лексики воспоминания о детстве, рассказы о родственниках, о традициях и ритуалах. Рассказывая о прошлом, человек переходит на тот язык, который составлял его естественную среду в тот или иной период. Например, даже при наличии литературного аналога названия растений или кушаний, некоторых предметов быта и т. д. могут быть известны только в той местной форме, в которой они были усвоены, поскольку необходимости в литературном варианте впоследствии так и не появилось.

Представитель старшего поколения, как правило, испытывает потребность рассказать о своей жизни, поделиться опытом, но по разным причинам у него может не быть постоянной аудитории. Жанр народных мемуаров возникает как ответ на эту потребность и может быть представлен разновидностями: собственноручная запись воспоминаний и запись заинтересованным лицом (специалистом и неспециалистом). Мемуары юриста С. А. Мордвинова начинаются так: *«Рукопись эта имеет целью ознакомить внуков и от-*

части детей моих со своей жизнью. Омичи и те и другие, они не знают прошлого своего деда, не знают прежней жизни вообще, а знать ее им и нужно и интересно...» [1, с. 17] (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника).

В связи с этим активизируется новое направление в диалектологии — поиск диалектного материала в письменных региональных памятниках (например, это новое направление было частично реализовано в 2020–2021 гг. в результате изучения писем военных лет, принадлежащих уроженцам Омской области) [2]. Интерес к региональным письменным текстам (как современным, так и историческим) со стороны диалектологии был всегда, однако мемуары, личные письма, записки, дневники не ограничены рамками какого-либо книжного жанра и потому дают более широкое представление о народно-разговорной речи, чем летописи, регистрационные книги, описи, литературные сочинения.

Актуальность таких материалов подтверждается возросшим интересом к ним со стороны историков, социологов, этнографов, культурологов, филологов, подтвержденным как научно-исследовательской [3], так и научно-издательской активностью (например, [4]). Основная цель таких изданий — передать обыденную жизнь XX в., в том числе жизнь русской деревни, «в ее неприкрашенной правде. В этих рассказах отражены моральные и этические принципы деревенских жителей, их отношение к религии, к местной и верховной власти и государству в целом — составляющие менталитета народа» [4, с. 3]. Расширяющийся состав авторов народных мемуаров — деревенских и городских, образованных и не очень, разных профессий и занятий, тяготеющих к «письму» и не умеющих писать — позволяет создать как можно более полную повседневную картину недавнего прошлого. Так, в нашем регионе выпущена серия «Народные мемуары» под общей редакцией профессора Б. И. Осипова (1995–2012; краткий обзор см. в [5]), представившая воспоминания крестьянина, учителя, врача, юриста, районного служащего, солдата и т. д.

С развитием доступа к Интернету появляется новая интерпретация жанра «народных мемуаров» как одной из коммуникативных практик памяти, включающая не только полноценные тексты, но и отдельные высказывания, диалоги, визуальные элементы, и отличающаяся большей спонтанностью.

Безусловный интерес «народные мемуары» представляют для филологов, в частности диалектологов. Это сохранившийся народный «голос» эпохи, позволяющий «услышать» исторические языковые региональные особенности, не зафиксированные другим способом (изучение диалектов Среднего Прииртышья, например, началось только в конце 1940-х гг.). С точки зрения использования диалектных слов и конструкций тексты «народных мемуаров» как неинституционального жанра — полноценный источник для диалектологического исследования, хотя и вторичный по отношению к записям живой диалектной речи.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В настоящей статье выбраны в качестве источников воспоминания людей образованных, однако имевших деревенское происхождение — юриста и математика-информатика.

Именно в их воспоминаниях отчетливо прослеживается обращение к диалектным языковым фактам в описании своего деревенского детства. Не будучи специалистами-филологами, но имея высшее образование, они прекрасно осознают, что, во-первых, это нелитературное явление, стараются дать ему характеристику и расшифровку; во-вторых, что без употребления этих подзабытых «характерных деревенских оборотов речи и местных словечек» [1, с. 17] невозможно воссоздать реальную картину.

Именно эта возможность автора переключать коды с литературного на диалектный, смотреть на диалектную речь и изнутри и со стороны делает их воспоминания интересными с точки зрения способов включения нелитературных элементов в литературный текст.

Жанр народных мемуаров обладает характерными особенностями, среди которых исследователи называют субъективность, документальность, ретроспективность, интимность, номинированность адресата, непосредственное письменное воплощение замысла автора, возрастные психологические особенности (чаще всего это люди в возрасте), социальный, семейный статус как показатели культурного, семейного опыта, приобретенного в процессе жизни [6]. Все эти особенности в полной мере проявляются в анализируемых материалах.

Степан Андреевич Мордвинов (1900–1969) — уроженец с. Чикаши Пермской губернии, сын крестьянина. Его взрослая жизнь и профессиональная деятельность была связана с Омском. Участник Гражданской войны, во время которой и началась его служба в правоохранительных органах, продолжавшаяся затем в прокуратуре, милиции, органах юстиции. Пройдя несколько ступеней юридического образования, в 1944 г. получил высшее образование и начал работу над диссертацией. Мемуары писал собственноручно в 1952–1953 гг.

С. А. Мордвинов хорошо владел русским литературным языком и понимал отличия «деревенской речи»: передавая прямую речь своих односельчан, старался показать не только лексику, но и особенности произношения: «*Вот тебе! Чтоб тебя прорва взяла! Чтоб ты околел, акаянный! И в кого только уродятся такие прошальюи! — Да будет тебе, Ондрий! Изувичишь ицо! Чо он понимает?!*» [1, с. 21]. По таким записям можно предположительно определить и переход [ѐ] (этимол. *ѣ) в <и> между мягкими, стяжение гласных в глаголах 3-го лица и некоторые другие фонетические особенности. Редко фонетические и грамматические диалектизмы появляются в основном тексте от автора: с *дедушкой*, *яцо* (постоянно).

Диалектная и устаревшая лексика введена в текст несколькими способами.

Часть слов или особенностей употребления автор в тексте объясняет: «*Крестик*» (подобие миниатюрной часовни), «*рукомойник* (то есть умывальник)», «*рукотерник* (полотенце)», «*кобедишная*» (праздничная) одежда», «*запон* (передник, фартук)».

Иногда приводятся развернутые наблюдения: например, автор объясняет, кого звали «немоляями»: «*старые обычаи не соблюдали <...> выходя из-за стола “лоб не перекрестят”*» [1, с. 19]. Или сначала автор говорит о традиции

называть всех уменьшительно-«презрительными» именами (*Стелка Андрюшкин*), затем добавляет «*А родителей называли “тятка” и “мамка”*» [1, с. 20], чувствуя необходимость объяснить читателю, что здесь нет уничижительного отношения к родителям: «*это ни в какой мере не унижает ее*». Некоторые языковые наблюдения очень точные: «*Мы проносили слово “дядя” и не знали “дядька”; и наоборот — мы не знали, что есть слово “тетя”, говорили “тетка”. Итак, у нас были дяди и тетки. Значит ли это, что тетя мы меньше уважали, чем дядей? Совсем нет! Просто так сложилось в народе издавна*» [1, с. 39].

Некоторые слова автор не объясняет, хотя предполагает, что слово нелитературное, в таких случаях он берет его в скобки: «*магазья*» (амбар), «*простокиша*» (простокваша), «*пистик*» (диалектная огласовка слова пестик, означающего молодой побег сосны), «*густому “кирпичному” чаю*» (прессованный в брикеты).

И наконец, в тексте встречаются слова, которые, по мнению автора, не требуют пояснения (среди них и диалектные): *солодовня*, *оляска*, *голбец*, *приступки*, *залавок*, *загнеток*, *кляка*, *клеть*, *печурки*, *шесток*, *кросны*, *трехполка*, *жнейка*, *заплот* и проч., вероятно, потому что для 1952 г. эти слова, связанные с устройством крестьянской избы и быта, не представлялись необычными. Также без пояснений употребляются названия некоторых кушаний (*пахтанье*, *ошурки*, *шаньги*, *кулики*) и одежды (*понитки*, *зипуны*, *онучи*, *бекешы*), которые не имеют литературных синонимов. Некоторые диалектные слова даны без пояснений, вероятно, потому что автор сам не знал их литературного синонима: например, названия трав (*кислица*, *пестрянки*, *пиканы*, «*горькая редька*») или лексика рыболовства (*морды*, *лучить*). Отметим, что диалектные *калега* (брюква), *пороз* (бык-производитель), *лутошки* (липовые палки) автор употребляет неоднократно без всяких пояснений, они были в его активном запасе.

Для удобства читателя издатели сопроводили текст примечаниями для таких слов. Сопроводительный словарь содержит более 200 слов, не объясненных автором в тексте.

Интересно, как в языке отражаются культурные традиции эпохи, например значимость обрядового родства: «*Восприемным отцом при крещении у меня был старший брат <...>, поэтому я всегда и называл его крестный*» [1, с. 22], порядок приема пищи, иерархия в семье, методы воспитания, отношение к разным предметам и т. д. Ценно описание детских игр (*бросать «тюльку»*, *орлянка*, *бабки* и проч.), суеверий (*водный «волос»*), сельскохозяйственных и ремесленных работ. Есть и зарисовки исторического быта, социальных и межнациональных отношений.

Всё это представляет интерес и для филолога, изучающего диалекты в ракурсе комплексного наблюдения за народным языком и культурой, в триаде «язык — сознание — культура», в аспекте описания народного менталитета (В. В. Колесов, О. И. Блинова, С. А. Мызников и др.).

Обратимся ко второму источнику — главам о детстве в воспоминаниях М. П. Лапчика [7].

Михаил Павлович Лапчик (1942–2021) — ученый, математик, специалист в области информатики, доктор педагогических наук, академик Российской академии образования,

профессор Омского государственного педагогического университета. Он родился в крестьянской семье в д. Егоровке на севере Омской области. Воспоминания написаны и отредактированы для издания частично собственноручно в 2005 г., частично представлены в виде интервью более позднего времени.

Безусловно, подготовленные специально к печати материалы не содержат того живого языкового материала, который можно было бы получить в непосредственном устном общении, однако и в этой книге в первой части, где речь идет о деревенском детстве, диалектная лексика представлена. Конечно, ее существенно меньше, чем у С. А. Мордвинова, и в силу принципа написания текста, и в силу хронологического фактора: речь идет о 40–50-х гг. XX в., когда процесс распада говоров усилился.

Михаил Павлович — носитель прекрасного литературного языка, владеющий всеми книжными стилями, ученый, поэтому, включая нелитературную лексику в свое повествование, он стремится дать ей характеристику, обращается к словарям (В. И. Даля и С. И. Ожегова), делает сноски: «*Кринка — глиняный горшок (словарь Ожегова). Но по моему детскому пониманию кринка — это не всякий глиняный горшок, а особый. Он без ручек, довольно вытянут в высоту, имеет округлое расширение в нижней части, а к горловине, наоборот, сужение — такое, чтобы взрослый человек легко мог обхватить его пальцами руки... использовалась для хранения молока, реже — кваса» [7, с. 8]. Или «* Пуня (по Далю) — “отдельный чулань, где складывают всячину и летом спать хозяин”» [7, с. 15].

Отметим, что в этих сносках автор напрямую обращается к читателю, так, комментируя слово *приклетник* как «крыльцо при амбаре», автор пишет: «Надеюсь, что такое крестьянский амбар, вы знаете». Или о слове *фургон*: «Но не верьте до конца Ожегову — фургоном в Егоровке называлась совсем даже не крытая, но очень внушительных размеров, под парную упряжь, 4-колесная повозка...» [7, с. 10]

Предки М. П. Лапчика (генеалогическое древо восстановлено им самим) были переселенцами из Белоруссии, как и многие в деревне, поэтому говор включал и восточнославянские слова, бытовавшие в материнском говоре, генетически связанном с белорусским языком (*кринка* — горшок; *дробина* (прав. *драбина*) — решетчатая приставная лестница, решетчатые борта воза; *поливка* — кушанье, вид супа).

Некоторые его выводы (он всё же не специалист в области языков) не совсем точны, например об этимологии слова *дробина*, связанного не с *дробь*, как у автора в русле «народной этимологии», а с *драбина* (белорус., укр.) — лестница. Некоторые требуют уточнения: о территориальной принадлежности слова *молоканка*: «*Молоканка (исключ. Егоровское) — молокоприемный пункт» (распространено во всех районах Омской области), об отсутствии у Даля слова *приклетник* (у Даля есть *приклѣть* и *приклѣтокъ* в том же значении).

Нелитературные слова, если они объясняются непосредственно в тексте, автор выделяет кавычками, указывая на их особый статус: «молотяга» (молотилка), «огородчик» (особо огороженная часть огорода с овощными грядками).

Проскальзывают в литературной речи и не выявленные автором диалектизмы, т. е. естественные для его речи латентного диалектоносителя: *сродный брат* (родство определено как «его отец был двоюродным братом моей матери») [7, с. 16], *камратка* (вид верхней одежды, типа легкой куртки) [6, с. 43], *стожарище* (крепкий шест, вокруг которого формируются стога) [7, с. 58].

Автор много рассказывает об организации колхозов, об особенностях народного образования, о трудной жизни сибирской деревни в послевоенные годы. Однако в воспоминания естественным образом включены и некоторые языковые наблюдения, например об именах: «...в отсутствие отцов по никем не установленному в те военные годы правилу всех детей в Егоровке называли не по фамилиям, а по именам их матерей: Иван, Петька и Мишка Марфины, Колька и Витька Христинины...» [7, с. 9] Имена также представлены уменьшительно-фамильярные: *Нюрка*, *Валька*, *Ланка* («Я всюду пишу имена так, как они произносились в то время» [7, с. 10]). Кстати, встречается и уважительное *тетка* (а не *тетя*).

Особенностью изучения в диалектном отношении воспоминаний М. П. Лапчика является и то, что есть возможность сравнить его наблюдения с записями диалектологических экспедиций в Тарский (и бывший Васисский, включенный в состав Тарского) район Омской области. Лексика этих записей обработана и включена в словник диалектного словаря старожильческих говоров Среднего Прииртышья [8; 9]. В словаре есть зафиксированные в Тарском районе слова *молотяга*, *огородчик*, *дробина* (также через О, «лестница»), *сродный* («двоюродный»), у Лапчика — «троюродный»), *камрадка* (через Д, «женская кофта с поясом»), *пуня* («сарай для сена»), которые могут быть уточнены через новые контексты. Но нет, например, слов *поливка*, *фургон* (семантический диалектизм), *стожарище* (есть *стожарье*).

Во всех мемуарных записях, выполненных в основном на литературном языке, особую ценность представляют личные языковые и культурные наблюдения, которые отражают понимание особенностей местной речи на фоне литературной, что позволяет заглянуть в сознание носителя двух основных регистров национального языка — литературного и диалектного.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, анализ письменных источников мемуарной коммуникативной практики показал, что в воспоминаниях о детстве, прошедшем в деревенской обстановке, авторы обязательно используют диалектную лексику и стараются передать произносительные особенности родных говоров, воссоздавая реалистичную обстановку. Эти диалектные факты могут быть материалом, пополняющим диалектологические архивы. Особый интерес представляют способы включения диалектной лексики в мемуары образованных авторов, основное средство коммуникации которых — литературный язык. Владая двумя регистрами — диалектным (латентно) и литературным — национального языка, они обладают достаточным языковым и исследовательским уровнем для саморефлексии, которая помогает в научном осмыслении проблемы взаимодействия подсистем

национального языка и особенностей поликодового языкового сознания. Ценность мемуарных речевых практик заключается не только в описании исторических событий, но и в наблюдениях за изменениями культуры, языка, социальных отношений. Особо важное значение «народных мемуа-

ров» проявляется в трансляции уходящих языка и культуры для следующего поколения, которое может обращаться к таким источникам в будущем многократно в зависимости от потребностей. Это помогает преодолеть возникший межпоколенческий коммуникативный барьер.

Библиографический список

1. История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С. А. Мордвинова: публикация и исследование текста / предисл. и коммент. Б. И. Осипова и Е. А. Рониной. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 276 с. (Народные мемуары. Вып. VIII).
2. Николенко О. Ю., Федяева Н. Д., Варова Н. Л. Историческая память и бытие текста: дискурсивные практики актуализации военных писем // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 74–79. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-29-74-78
3. Орлова Н. А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 212 с.
4. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. М. : АСТ-ПРЕСС, 2009. 512 с.
5. Народные мемуары — кладезь знаний о жизни // Национальные приоритеты России. 2013. № 1 (8). С. 22–23.
6. Жанры естественной письменной речи: народные мемуары : моногр. / Т. П. Сухотерина, Н. Б. Лебедева, Н. Г. Воронова [и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. гос. пед. академии, 2012. 550 с.
7. Лапчик М. П. От Егоровки до Погодинки. Путь длиною в жизнь. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2021. 416 с.
8. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : в 3 т. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1993. Т. 1. 228 с. Т. 2. 244 с. Т. 3. 358 с.
9. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / отв. ред. Б. И. Осипов. Вып. 1. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. 155 с. Вып. 2. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2003. 172 с.

References

- Kasatkina L. L. (ed.) (2009) *Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhitelei [The Russian Village in the Stories of Its Inhabitants]**. Moscow, AST-PRESS Publ., 512 p. (in Russian)
- Lapchik M. P. (2021) *Ot Egorovki do Pogodinki. Put' dlinoyu v zhizn' [From Egorovka to Pogodinka. A Life-Long Journey]**. Omsk, OGPU Publishing House, 416 p. (in Russian)
- Narodnye memuary — kladez' znanii o zhizni [Folk Memoirs — A Storehouse of Knowledge About Life]* (2013) *Natsional'nye Prioritety Rossii [National Priorities of Russia]*, no. 1 (8), pp. 22–23. (in Russian)
- Nikolenko O. Yu., Fedyaeva N. D., Varova N. L. (2020) *Istoricheskaya pamyat' i bytie teksta: diskursivnye praktiki aktualizatsii voennykh pisem [Historical Memory and Being of the Text: Discursive Practices of Actualization of War Letters]*, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]*, no. 4 (29), pp. 74–79, doi: 10.36809/2309-9380-2020-29-74-78 (in Russian)
- Orlova N. A. (2004) *Rechevoi zhanr "memuary" i ego realizatsiya v tekstakh nositelei raznykh tipov rechevoi kul'tury [The Speech Genre "Memoirs" and Its Implementation in the Texts of Carriers of Different Types of Speech Culture]**, Cand. philol. sci. diss. Omsk, 212 p. (in Russian)
- Osipov B. I. (ed.) (1998, 2003) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya: Dopolneniya [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the Middle Irtysh Region: Additions]**. Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet Publ., issue 1, 155 p. Omsk, OGPU Publishing House, issue 2, 172 p. (in Russian)
- Osipov B. I., Ronina E. A. (eds.) (2012) *Istoriya sovetской pravookhranitel'noi sistemy v memuarakh yurista S. A. Mordvinova: publikatsiya i issledovanie teksta [The History of the Soviet Law Enforcement System in the Memoirs of Lawyer S. A. Mordvinov: Publication and Research of the Text]**, Folk memoirs. Issue VIII. Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet Publ., 276 p. (in Russian)
- Sadretdinova G. A. (ed.) (1992–1993) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the Middle Irtysh Region]**. Tomsk, Tomskii universitet Publ., vol. 1, 228 p., vol. 2, 244 p., vol. 3, 358 p. (in Russian)
- Sukhoterina T. P., Lebedeva N. B., Voronova N. G., Dmitrieva E. F., Pankrashova O. S. (2012) *Zhanry estestvennoi pis'mennoi rechi: narodnye memuary [Genres of Natural Written Speech: People's Memoirs]**. Barnaul, Altaiskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya Publ., 550 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.